

От автора книги: “Третья мировая:
жертвоприношение всемирного
масштаба”

КВАНТОВЫЙ НОЛЬ

ДЕНЬ, КОГДА
ДЕНЬГИ ИСЧЕЗЛИ

МУРАТ АЙБАСОВ

18+

Мурат Айбасов

КВАНТОВЫЙ НОЛЬ.
День, когда деньги исчезли

«Автор»

2026

Айбасов М.

КВАНТОВЫЙ НОЛЬ. День, когда деньги исчезли / М. Айбасов —
«Автор», 2026

Что произойдет, если в одну секунду все цифровые деньги мира превратятся в абсолютный ноль? Цивилизация будущего отказалась от наличных, доверив жизнь квантовым реестрам цифровых валют (CBDC). Но в один четверг этот идеальный механизм рухнул. За доли секунды глобальный алгоритм стер со счетов активы восьми миллиардов человек. Манхэттен замерзает без тепла, привычный мир рушится за трое суток, а за глоток чистой воды приходится платить кровью. Бывший квантовый инженер Марк Картер вместе с отрядом уцелевших пробивается через охваченный огнем континент. Вскоре герои выясняют: коллапс — это спланированная операция элиты во главе с миллиардером Артуром Рокфордом, которая использовала научные расчеты для искусственной депопуляции планеты. Но на пути «Новых Богов» встают потерявший всё учёный и 73-летний Адмирал ВМС Томас Брэдли. Они начинают операцию возмездия «Разлом» — смертельный рейд на секретной субмарине с 500 мегатоннами термоядерной мощности на борту.

© Айбасов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Ледяной Манхэттен	7
Банка консервов за жизнь	9
Вспышка памяти	11
АКТ I. КОЛЛАПС (НЬЮ-ЙОРК) Глава 1. Рутинa перед бурей	12
Лаборатория в Йорктаун-Хайтс	13
Микроскопическая аномалия	14
Шумы в системе	15
Первый щелчок	16
Глава 2	18
Утренний терминал	19
Затишье перед штормом	21
Вскрытие реестра IBM	22
Вечер без света	23
Глава 3	25
День второй: Паника у касс	26
Натуральный обмен	27
Молчание Белого Дома	28
Изоляция дома	29
Глава 4	30
Крепость из стекла и бетона	31
Новая иерархия	32
Первое столкновение	33
Сжатие мира	35

Мурат Айбасов
КВАНТОВЫЙ НОЛЬ.
День, когда деньги исчезли

Глава 1

[Локация: Нью-Йорк, Манхэттен. Время: 40 дней после Квантового Ноля]

Ледяной Манхэттен

Пар от дыхания вырывался из груди густыми, рваными клубами и тут же оседал инеем на воротнике старой штормовки.

Марк Картер стоял у разбитой витрины бывшей продуктовой лавки на углу 42-й улицы и 5-й авеню. Четыре недели без отопления превратили Манхэттен в гигантский склеп из бетона, стекла и промерзшего насквозь асфальта. Небоскребы, когда-то казавшиеся вершиной человеческого величия, теперь высились вокруг немymi чешуйчатыми ледниками. Без электричества их темные зеркальные фасады отражали лишь серую, низкую облачность и клубы дыма, ползущие над мостовыми.

Венец человеческой цивилизации замерз и затих.

Марк поправил капюшон и глубже вжал подбородок в шарф. Ветер, пролетавший сквозь прямые, как стрелы, каньоны улиц со стороны Гудзона, обжигал кожу ледяной крупой. Раньше этот шум — гул миллионов автомобилей, сирены скорой помощи, обрывки музыки из дверей ресторанов — был пульсом города. Теперь Манхэттен издавал совсем другие звуки: протяжный металлический скрип раскачивающихся на ветру рекламных щитов, треск замерзающих деревьев в Брайант-парке и глухие, редкие выстрелы где-то в районе Трайбека.

Марк сделал шаг внутрь торгового зала. Подошвы тяжелых ботинок с хрустом раздавили мешанину из мелкого стекла, размокшего картона и замерзшей грязи.

Внутри супермаркета пахло гарью, сыростью и вьевшимся в стены запахом гниения, которое остановил только пришедший со стороны Канады аномальный фронт. Все паллеты были перевернуты, кассовые боксы разворочены тяжелыми ломami. Выбитые сенсорные экраны автоматических касс со слепыми черными трещинами висели на пучках выдернутых проводов — бесполезные куски пластика и кремния, которые еще сорок дней назад казались пропускным пунктом в сытое будущее.

В самом центре зала, прямо на отполированном гранитном полу, дымилось догорающее пепелище. На корточках вокруг него сидели трое. Они были замотаны в несколько слоев грязной одежды, поверх которой висели дырявые пуховики, перетянутые изолентой и веревками.

Марк невольно замер в тени несущей колонны, положив руку в плотной перчатке на тяжелый железный гаечный ключ, засунутый за пояс. В новом мире любое движение незнакомца могло означать атаку.

Но трое у костра даже не повернули голов. Их глаза, красные от дыма и бессонницы, были прикованы к огню.

Один из них — мужчина средних лет в остатках дорогого пальто с оборванными пуговицами неторопливо достал из кожаного портфеля тугую банковскую пачку. На зеленой бандероли еще читался четкий типографский штамп: «\$10,000 — *Federal Reserve Bank*».

Мужчина небрежно надорвал бумажную ленту ногтем. Нажимом пальца он распустил пачку, как веер, и бросил хрустящие, новенькие столлларовые купюры прямо в угли.

Пламя жадно подхватило портрет Бенджамина Франклина. Зеленая бумага вспыхнула ярким, ровным синевато-желтым языком, выхватив из темноты изможденные, покрытые сажей лица выживших. Человек протянул дрожащие, сухие ладони к огню, пытаясь поймать секунду тепла, пока сгорала очередная тысяча долларов.

— Хорошо горят, — прохрипел второй, поплотнее затягивая на голове шерстяной шарф. Плотная бумага. Не то что рекламные листовки из сувенирной лавки.

— У меня в портфеле еще двести тысяч, — безэмоционально, монотонным голосом ответил владелец пальто. Если разрывать пачки пополам, хватит до вечера. А потом придется жрать сам портфель. Говорят, натуральная кожа, если ее долго варить, дает бульон.

Он издал сухой, похожий на кашель смехок.

Марк смотрел на сгорающие купюры и ощущал физическую тошноту от понимания того, насколько абсурдным был мир всего полтора месяца назад. Любая из этих сгорающих бумажек когда-то могла оплатить недельный запас еды, обед в ресторане или утренний кофе у бариста Сэма. За эти бумажки люди продавали годы жизни, предавали, работали по шестнадцать часов в сутки и строили финансовые империи.

Теперь миллион таких бумажек не мог купить даже сухую, заплесневелую корку хлеба. В них больше не было жизни. Они превратились в обычную целлюлозу — неплохое, хоть и быстро сгорающее топливо для импровизированного костра на полу разграбленного магазина.

Марк медленно перевел взгляд на пустые стеллажи бакалейного отдела. Металл полок был гол. Ни одной банки. Ни одного пакета с рисом. Ни одной пачки крекеров.

Натуральный обмен выжег город быстрее, чем паника. Как только цифровой реестр превратился в ноль, а бумажные деньги за три дня потеряли любую ценность, еда стала единственным эквивалентом золота, крови и жизни.

Марк сжал пальцы на гаечном ключе и сделал глубокий вдох. Ему нужно было идти дальше — в глубину складских помещений супермаркета, туда, куда мародеры в первые дни паники не смогли пробиться через заклинившие гидравлические ворота.

Банка консервов за жизнь

Марк осторожно обогнул испуганно-равнодушную троицу у костра и двинулся вдоль заваленного мусором коридора, ведущего к служебным помещениям.

Здесь тень сгущалась до состояния плотного, почти осязаемого киселя. Свет проникал лишь через узкие проемы выбитых окон верхнего яруса, падая на пыльный бетон серыми косыми полосами. На полу валялись разорванные накладные, пластиковые стяжки, смятые упаковочные коробки с логотипами крупных дистрибьюторов. Все это еще сорок дней назад составляло нервную систему розничной торговли. Теперь — мелкий мусор под ногами.

В конце коридора возвышалась тяжелая стальная дверь погрузочного шлюза. Ее гидравлический привод заклинило в тот самый момент, когда в районе отключили подстанцию. На толстом металле виднелись глубокие, свежие вмятины от ломов и черные копотные пятна, кто-то явно пытался разогреть замок паяльной лампой, но бросил эту затею, когда в городе началась настоящая стрельба.

Марк подошел ближе, прислушался. В тишине слышался только свист сквозняка да постоянный, размеренный стук капли воды, замерзающей на лету где-то в глубине вентиляции.

Он просунул руку в узкий зазор между створкой двери и бетоном, нащупал срезанный ранее болт засова и с усилием потянул его на себя. Металл визгливо скрежетнул. Марк замер, затаив дыхание и вжавшись спиной в холодную стену.

Тишина.

Шагнув в темный проем склада, он достал из кармана маленький, потускневший от царапин светодиодный фонарик. Узкий луч выхватил из мрака горы пустых деревянных поддонов. Склад был чист — мародеры первой волны выгребли отсюда всё. Но Марк знал этот супермаркет: полгода назад IBM проводила здесь пилотное тестирование автономных систем учета запасов, и он лично изучил каждый метр технологических ниш.

Он опустился на колени у нижнего яруса стеллажа, нащупал пальцами отогнутый край фальш-панели и потянул ее на себя. Внутри, в пыльной нише резервного щитка, лежал единственный предмет, пропущенный грабителями в суматохе первых дней.

Жестяная банка тушенки из свинины. Слегка помятая по бокам, с потускневшей бумажной этикеткой.

Марк взял ее в руки. Металл обжег ладонь ледяным холодом, но для него этот тяжелый, небольшой цилиндр весом в триста сорок граммов ощущался ценнее, чем весь золотой запас Форт-Нокса.

Это были четыреста килокалорий. Это были еще двадцать четыре часа жизни.

— Опusti руку, парень. Медленно.

Голос прозвучал из темноты за спиной — сухой, треснувший на высокой ноте, с характерным сиплым прихрипом человека, долго пробывшего на морозе.

Марк не дернулся. Он медленно встал, сжимая банку в левой руке, а правой сжал рукоять гаечного ключа, все еще засунутого за пояс.

Из-за груды поддонов вышли двое. На одном был вывернутый наизнанку тулуп, на втором — грязная куртка курьера с оторванным логотипом доставки. В руках первого был тяжелый металлический прут с наваренным на конец гаечным болтом, у второго — охотничий нож с зазубренным лезвием.

— Клади на поддон, — сказал тот, что в тулупе, сделав шаг вперед. Его глаза, запавшие, с желтыми белками и огромными темными кругами, жадно уставились на жестяную банку в руке Марка. — Клади и уходи. Нам проблемы не нужны, нам нужна банка.

— Это последнее, что тут было, — спокойно, постаравшись выдать максимум холода в голосе, ответил Марк. Вы прочесали весь склад. Тут больше ничего нет.

— Нам хватит и этого, — перебил его второй, перекладывая нож из руки в руку. Нам с напарником надо дожить до завтра. А ты выглядишь так, будто у тебя еще есть запасы. Поделись, инженер.

Марк окинул их быстрым взглядом. Напряженные плечи, дрожащие от истощения и холода пальцы, прерывистое дыхание. Они не были профессиональными бандитами. Это были обычные жители Манхэттена, возможно, бывший клерк из офиса на Бродвее и бывший курьер, которых сорок дней голода превратили в хищников.

За последние шесть недель вся человеческая мораль, накопившаяся за тысячелетия культуры, слетела с людей, как сухая шелуха. В мире, где цифровые счета сгорели за одну секунду, человеческая жизнь стала стоить ровно столько, сколько калорий содержалось в одной банке консервов.

— Не подойдешь, Марк сделал полшага назад, сместив центр тяжести и готовый к рывку. — Ударю первым. И даже если вы меня завалите, один из вас останется здесь с пробитой головой. Оно того стоит? Половина банки тушенки за пробитый череп?

Мужчина в тулупе замер. На его лице отразилась судорожная, болезненная работа мысли. Он оценил габаритный тяжелый ключ в руке Марка, его собранную позу и холодный, немигающий взгляд. В новом мире мелкая травма или глубокий порез означали верную смерть от заражения крови через пару дней.

Прошло пять бесконечных секунд. Слышно было только, как заново начинает завывать ветер за разбитыми окнами.

— Пошел ты, — выплюнул наконец тот, что в тулупе, и сделал шаг назад, увлекая за собой напарника. Пошел ты к черту. На 8-й авеню еще остался разграбленный аптечный склад. Там сухой кисель искали. Пошли, Пит.

Они отступили в темноту коридора, не сводя с Марка настороженных, полных ненависти глаз.

Марк подождал, пока шаги окончательно утихнут, и только тогда позволил себе сделать глубокий выдох. Колени едва заметно задрожали. Он осторожно опустил банку тушенки в глубокий внутренний карман штормовки, ближе к телу, чтобы металл немного согрелся от тепла его собственного тела.

Один день. Эта банка даст ему и нескольким соседям, забаррикадировавшимся в подвале его дома, еще один день.

Но дальше оставаться в городе было нельзя. Манхэттен доедал сам себя.

Вспышка памяти

Марк выбрался из промерзшего супермаркета через запасной выход, выходящий в узкий переулок. Ледяной ветер тут же ударил в лицо, заставив сощуриться. Он прижал локоть к боку, чувствуя тяжесть и круглый контур жестяной банки во внутреннем кармане.

Он остановился у сугроба, наметанного возле брошенного электромобиля, и посмотрел на свои руки в потертых перчатках.

Шесть недель назад я верил, что цифра вечна.

Эта мысль резала слух своей абсурдностью, но мозг по привычке цеплялся за нее, сиюсь найти логическую ошибку в самом устройстве реальности. Как старший инженер, Марк привык к тому, что у каждого сбоя есть причина, у каждого краха — лог-файл, а у любой системы есть резервная копия. Его разум, воспитанный на безупречной логике квантовой архитектуры, отчаянно сопротивлялся принятию простой и дикой истины: система не просто дала сбой. Она была спроектирована так, чтобы стереть саму себя, превратив миллионы человеческих жизней в математическую погрешность.

Тогда, сорок дней назад, мир казался бесконечно сложным, надежным и застрахованным от любых потрясений. Марк Картер был старшим инженером по архитектуре квантовых вычислительных систем в исследовательской лаборатории IBM в Йорктаун-Хайтс. У него был удобный таунхаус, безупречный кредитный рейтинг, подписка на десяток цифровых сервисов и абсолютная уверенность в том, что завтрашний день будет точно таким же, как сегодняшний.

Вся его жизнь умещалась в тонком стеклянном прямоугольнике смартфона и стильном чипе на запястье. Одним касанием он оплачивал утренний эспрессо, аренду машины, коммунальные счета и инвестиционные паи. Бумажные деньги казались ему и его коллегам анахронизмом — смешными грязно-зелеными бумажками из прошлого века, от которых мировые центральные банки наконец-то избавили человечество, полностью переведя финансовую систему на защищенные реестры цифровых валют (CBDC).

«Цифра не горит, не теряется и не подделывается, любил повторять их вице-президент на презентациях. Цифровой реестр — это абсолютная гарантия стабильности цивилизации».

Какая ирония.

Всё началось в самый обычный четверг. День был серый, дождливый, наполненный привычной суетой мегаполиса. Марк ехал на работу в нижнем Манхэттене, предвкушая рядовое тестирование обновленного квантового узла. Он зашел в свою любимую кофейню «Bean & Co» на углу Бродвея, улыбнулся привычно жизнерадостному бариста Сэму и приложил терминал к кассе, чтобы заплатить за кофе.

Экран подмигнул и выдал короткую, сухую надпись: «Ошибка связи с узлом CBDC. Код 00».

Марк тогда лишь недоуменно пожал плечами, подумав, что это мелкий сбой приложения или проблемы с местным провайдером. Сэм смущенно улыбнулся и сказал: «Да ладно, Марк, занесешь позже, система с утра тупит».

Ни Марк, ни Сэм, ни миллионы людей вокруг даже представить себе не могли, что этот скромный символ «0» на маленьком экране кассового терминала — был не технической накладкой.

Это был звук падающего домино, которое за считанные дни похоронит под своими обломками всю человеческую цивилизацию.

Марк тяжело вздохнул, стряхнул с капюшона ледяную крошку и оглядел вымершую 5-ю авеню. Память настойчиво возвращала его назад, в тот самый день, когда рухнул мир. Нужно было вспомнить каждую деталь, каждый системный лог, каждую аномалию, чтобы понять, как человечество оказалось в этой ледяной могиле.

АКТ I. КОЛЛАПС (НЬЮ-ЙОРК)

Глава 1. Рутина перед бурей

[Локация: Йорктаун-Хайтс, штат Нью-Йорк. Время: 6 недель до Коллапса]

Лаборатория в Йорктаун-Хайтс

Воздух в серверном зале казался осязаемо плотным от непрерывного рева сотен охлаждающих вентиляторов. Здесь время измерялось миллисекундами, но сегодня этот ритм заклинило.

Марк Картер замер перед настенным монитором с картой магистральных маршрутов. Зеленые нити коммуникаций, связывающие финансовые центры Восточного побережья, покрывались багровыми пятнами.

— Дэвид, подойди.

Дэвид оторвался от консоли, поднимаясь тяжело и ссутулившись от суточного марафона перед экранами. Встал рядом, глядя на монитор. Кривая сетевой задержки на графике больше не колебалась. Она вертикально уходила вверх, пробивая пределы аварийных порогов.

— Сбой локального маршрутизатора в Вашингтоне? Дэвид потер переносицу. Мы же откатали утренний патч.

— Если бы локальный. Марк вызвал диагностический лог. Смотри на лог возврата. Пакеты не задерживаются. Они обрываются на шлюзе. Физический уровень дает тайм-аут. Одновременно в Филадельфии, Бостоне и Нью-Йорке.

Дэвид взгляделся в бегущие строчки. На центральных узлах фиксировалось массовое «исчезновение» трафика так, будто кто-то методично выдергивал оптоволоконные кабели из земли по всей стране.

— Пинг падает в ноль, — тихо сказал Дэвид. Железо так не умирает. Если только...

— Если только кто-то не положил всю сеть целиком.

В дальнем углу стойки с глухим щелчком сработал предохранитель, и второстепенный терминал погас. Тревожный зуммер на пульте пискнул раз, второй и слился в монотонный сигнал.

Микроскопическая аномалия

Сигнал аварийного зуммера продолжал резать слух, превращаясь в навязчивый фон, от которого у Марка начинала пульсировать висок. Он лихорадочно переключал вкладки на своем терминале, пытаясь пробить защитные экраны уцелевших узлов дешифровки, но ответ отовсюду приходил один и тот же: *«Доступ заблокирован. Ошибка маршрутизации верхнего уровня»*.

— Нас отрезают от внешнего контура, голос Марка звучал жестко, хотя внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия. Автоматические протоколы изоляции сработали не по нашей команде. Кто-то перехватил корневые сертификаты безопасности.

Дэвид уже не сидел — он стоял за спиной коллеги, вглядываясь в монитор с тем выражением лица, какое бывает у саперов, когда они понимают, что схема мины отличается от чертежа.

— Корневые сертификаты? — переспросил он глухо. Чтобы перехватить их на уровне административного ядра, нужно иметь ключи класса «Альфа». А они хранятся в трех физически изолированных сейфах на разных континентах. Такое невозможно проверить удаленно.

— Значит, это сделали не удаленно, Марк резко развернулся к Дэвиду. Или... система сама решила, что мы — угроза.

В этот момент главный экран моргнул, сбросив текущую карту сети, и на черном поле монитора медленно, строка за строкой, стали появляться крупные латинские символы. Никаких цифровых кодов ошибок — только чистый, издевательски ровный текст системного уведомления, который не оставлял сомнений: кто-то или что-то управляло процессом осознанно.

Дэвид тяжело опустился на край стула, глядя на горящие буквы.

— Мы не просто фиксируем сбой, Марк, — прошептал он, и в его глазах отразился багровый свет аварийных ламп. Мы смотрим на начало конца. И самое страшное — мы понятия не имеем, куда теперь уходит контроль над инфраструктурой.

Шумы в системе

Последний зеленый индикатор на главном коммуникационном шлюзе погас с сухим щелчком, оставив на панели лишь пульсирующий багровый огонек аварийного питания. Тишина, наступившая после умолкшего зуммера, казалась еще более оглушающей, чем сам рев сирены.

Марк медленно откинулся на спинку кресла, чувствуя, как по спине стекает холодная струйка пота. На главном мониторе больше не было карт, графиков и бегущих строк системного лога — только чистый, зловеще пустой экран, разделенный одинокой мигающей черточкой курсора.

— Внешний контур полностью мертв, констатировал Марк, и его собственный голос показался ему чужим, сухим и хриплым. Ни один дата-центр не отвечает. Вашингтон молчит. Лондон, Франкфурт, Токио — везде глухая стена.

Дэвид стоял у дальней стены, механически протирая очки краем рукава, хотя стекла были идеально чистыми. В его взгляде читалось то состояние шока, когда человеческий мозг отказывается принимать реальность происходящего.

— Нас изолировали, — произнес Дэвид, не глядя на коллегу. Не просто отключили от сети, а вырезали из структуры, как аппендицит. Кто-то зачищает периметр перед тем, как сделать главный шаг.

— Или перед тем, как запустить то, что уже не остановить, поправил его Марк, резко поднимаясь на ноги. Медлить больше было нельзя. Если они останутся здесь еще хоть полчаса, автоматика сотрет их собственные учетные записи, превратив в призраков в собственной лаборатории. — Хватит смотреть на мониторы. Нам нужно добраться до автономного физического накопителя в архивном секторе. Если у нас остался хоть один шанс задокументировать то, что произошло в эти минуты, он там.

Дэвид кивнул, на ходу подхватывая с пульта защищенный планшет. Тяжелая бронированная дверь серверного зала с глухим металлическим скрежетом сдвинулась с места, открывая путь в полутемный коридор административного крыла, где аварийные лампы отбрасывали длинные, зловещие тени.

Первая глава подходила к своему логическому завершению, оставляя героев лицом к лицу с неизвестностью.

Первый щелчок

[Локация: Нью-Йорк, метрополитен. Время: За несколько часов до Коллпаса]

За полчаса до спуска в подземку Марк зашел в круглосуточный маркет за бутылкой воды. Система сработала молниеносно: пока он подносил руку к сканеру, умный чип на запястье издал тихий мелодичный сигнал. На секунду в поле зрения всплыл полупрозрачный голографический интерфейс: с баланса списалось \$3.20, тут же прошел микроплатеж за городской углеродный налог, а строчкой ниже мелькнуло уведомление: *«Ваш динамический кредитный рейтинг скорректирован на +0.02 пункта в связи с покупкой экологически чистой продукции»*. Этот цифровой кокон опутывал каждое движение, подстраивая реальность под удобные алгоритмы Центробанка. Марк привычно не обратил внимания — жизнь в абсолютной синхронизации с CBDC казалась идеальным механизмом.

До тех пор, пока этот механизм не начал буксовать.

В тот вечер Марк решил оставить машину на парковке исследовательского центра и добраться до манхэттенской квартиры на метро — из-за мелкого, упрямого дождя шоссе на въезде в город было забито автопилотными потоками.

Спустившись на станцию «Гранд Централ», он попал в привычный человеческий водоворот. Тысячи людей, уткнувшись в экраны смартфонов и умных часов, спешили к турникетам. В новом цифровом Нью-Йорке проход занимал доли секунды: биометрическая система сканировала лицо или чип, мгновенно списывая два доллара пятьдесят центов с единого цифрового счета.

Но сегодня у турникетов образовался затор.

— Да что за чертовщина! — громко пробормотал мужчина в строгом костюме и с кожаным портфелем, в третий раз прикладывая смартфон к валидатору.

Стеклянные створки турникета оставались заперты. На экране валидатора горел знакомый тусклый крест и сухая надпись: «Ошибка авторизации узла. Повторите попытку».

— Сэр, не задерживайте очередь, пройдите к информационной стойке, — устало произнес дежурный сотрудник метрополитена, даже не поднимая глаз от своего планшета.

— Да у меня там сотня тысяч долларов на счету! Какая еще ошибка авторизации?! Мужчина начал раздражаться, его голос перешел на фальцет.

— Я на встречу опоздаю!

Рядом, на соседней турникетной линии, девушка в синем пальто с растерянным видом перегружала банковское приложение.

— Марк? — раздался женский голос из потока.

Марк обернулся. Из толпы к нему пробилась Хелен — его соседка по дому в Гринвиче, которая, видимо, возвращалась из своего архитектурного бюро в центре. В руках она держала пакет с чертежами.

— Привет, Хелен. Тоже застряла?

— Ужас какой-то, — она показала ему экран своего телефона. Приложение Федеральной Резервной Системы крутило бесконечный серый индикатор загрузки, а затем выдало: «Превышено время ожидания отклика сервера».

— У меня не проходит оплата за проезд. И самое глупое

— Я только что пыталась купить кофе в автомате наверху, он тоже завис. Что у них там, сервер упал?

Марк достал свой смартфон и вызвал инженерный интерфейс мониторинга сети. На секунду его собственный баланс на экране моргнул, цифры \$42,850.12 расплылись в пиксельную сетку, а затем снова восстановились.

Это был первый щелчок. Едва заметный, легкий звук ломающегося механизма, от которого по спине пробежал холодок.

Вокруг нарастали шум и глухое раздражение. Сотни людей стопорились у турникетов, пытались просканировать электронные пропуска, ругались, показывали экраны дежурным. Информационные табло на перроне неожиданно мигнули, и расписание поездов сменилось стандартной системной плашкой: «Связь с центральным диспетчерским узлом временно отсутствует».

— Это просто сбой в локальном узле передачи данных, — попытался успокоить Хелен Марк, хотя внутри у него снова кольнуло неприятное чувство холода. Инженерный мозг цеплялся за логику, но память услужливо подкинула утреннюю строку лога с подозрительной задержкой синхронизации. Внедрение единой системы всегда сопровождается такими шероховатостями. Сейчас перезагрузят шлюзы, и всё заработает.

— Надеюсь, Хелен нервно улыбнулась. А то ощущаешь себя так, будто у тебя внезапно отняли право на существование. Ни проехать, ни купить ничего нельзя. Ужасное чувство беспомощности.

Дежурный метрополитена, видя, что толпа у турникетов начинает закипать, ругаться и напирать на ограждения, наконец достал специальный ключ и вручную разблокировал поворотные крестовины, пропуская людей бесплатно.

— Проходите, проходите! — замахал он руками. Это — технический сбой. Завтра всё спишут автоматически!

Люди хлынули на платформу, недовольно ворча и убирая бесполезные телефоны в карманы.

Марк шел вместе с Хелен к поезду, глядя на сотни зажженных экранов в руках пассажиров. Все эти люди — менеджеры, юристы, студенты, врачи - были абсолютно убеждены, что это временная неудобная пауза. Что через десять минут или максимум к утру все эти ноли и единицы вернутся на свои места, а система продолжит бесшумно списывать налоги и регулировать их жизни.

Они не знали, что этот прозрачный, удобный, безналичный мир уже сделал свой последний вдох.

Глава 2

[Локация: Манхэттен, Нью-Йорк. Время: День Коллапса]

Утренний терминал

Утро четверга встречало Манхэттен привычным гулом мегаполиса, но в фоновом шуме уже проступали надломленные ноты. Воздух пропитывался резким запахом паленого пластика и озона, перегруженные дата-центры в подвалах небоскребов начинали плавить собственные платы от лавинообразных запросов.

Марк вышел из метро и направился к кофейне «Bean & Co» на углу 42-й улицы. Небо затянуло свинцовой облачностью, моросил злой дождь.

За стойкой кофейни суетился Сэм.

— Доброе утро, Марк! Как обычно, двойной эспresso без сахара? — Сэм даже не отрывался от кофемашины, на ходу выбивая холдер.

— Привет, Сэм. Да, давай, — кивнул Марк, стряхивая капли с плеч. И захвати еще один капучино с собой.

Пока Сэм засыпал зерно, Марк на автомате поднес смартфон к терминалу оплаты. Законы о полном отказе от наличных под угрозой штрафов давно обязали все заведения работать исключительно через защищенные государственные квантовые реестры.

Короткий писк. Вместо зеленой галочки экран терминала залился багровым: «Транзакция отклонена. Код ошибки: ERROR NULL LEDGER»

Сэм замер над кофемолкой:

— Опа. Слушай, странно. У меня с семи утра у парочки клиентов такое выскакивало, но со второго раза платеж проходил. Давай-ка еще раз, чертов пластик вечно тупит по сырости.

Марк приложил телефон повторно. Серый кружок загрузки закрутился на экране, замирая, а затем терминал издал резкий зуммер и полностью погас, уйдя в перезагрузку.

В этот момент за окном раздался резкий визг автомобильных тормозов. Десятки автопилотных электрокаров, потерявших спутниковый сигнал и связь со шлюзом, одновременно заблокировали колеса, заставив водителей вжаться в рули.

— Сэм, у тебя терминал отвалился, нахмурился Марк.

— Да погоди ты с терминалом, глянь на монитор заказа!

— Сэм кивнул на кассовый моноблок.

Вместо меню на черном фоне кассы висела одна строка:

«Ожидание восстановления синхронизации реестра...». Из решетки кассового аппарата потянулась тонкая струйка едкого дыма.

Сэм нервно дернул плечом:

— Тыфу ты, опять у провайдера шлюзы лежат. Марк, да забей, заберешь кофе так, завтра занесешь за оба!

Марк вышел из кофейни на влажный тротуар, сжимая в руке неоплаченный стакан. Напротив, располагалось отделение крупнейшего банка.

У его запертых дверей бурлила толпа человек в тридцать. Люди стучали кулаками в бронированное стекло, дергали ручки и вставляли пластиковые карты в щели банкоматов. Но уличные терминалы были мертвыми.

— Эй! Вы открываться вообще думаете?! — кричал мужчина в дорогом пальто, вколачивая кулак в раму двери.

— У меня приложение открыто, а там по нулям! Верните мои деньги!

— У меня тоже ноль! — истерически выкрикнула женщина рядом, тыча потухшим смартфоном в лицо охраннику за стеклом.

— Семья без гроша осталась!

Охранник по ту сторону стекла лишь беспомощно крутил головой, прижимая к уху рацию: система заблокирована, автоматика вырубил замки.

Марк вытащил из кармана телефон и разблокировал экран, открывая приложение Федеральной Резервной Системы.

В строке «Доступный баланс» не было ничего. Только пустая математическая точка:
\$0.00

Затишье перед штормом

Марк стоял посреди нарастающего уличного шума, глядя на экран своего смартфона, где отображался нулевой баланс. Напряжение на улицах Манхэттена увеличивалось с каждой минутой: люди вокруг пытались переподключиться к сети, громко выражали возмущение и требовали объяснений от закрытых финансовых учреждений.

В этот момент на всех городских информационных панелях, а также в мобильных уведомлениях появилось экстренное сообщение от государственных органов. В официальном обращении гражданам объясняли, что возникшие проблемы связаны с плановыми техническими работами и масштабным обновлением серверов центральной банковской системы. Власти заявляли о временной блокировке ряда узлов связи для предотвращения сбоев и призывали население сохранять полное спокойствие, заверяя, что все средства находятся в полной безопасности и доступ к ним возобновится в ближайшие часы.

Несмотря на заверения с экранов, общее беспокойство не утихало. Марк, понимая внутреннее устройство системы, осознавал, что подобные официальные заявления лишь временно сдерживают панику, а ситуация на самом деле гораздо серьезнее, чем пытается показать руководство.

Вскрытие реестра IBM

Спрятав телефон в карман, Марк ускорился и почти бегом бросился к исследовательскому центру. Если власти в своих официальных заявлениях наивно или цинично списывали всё на «плановые техработы», то он должен был лично, на уровне «железа», проверить, что в этот момент происходило в самом сердце квантово-защищённой сети.

Пробившись сквозь опустевшие, оглушительно тихие коридоры научного центра, Марк вихрем ворвался в свой кабинет и наглухо запер массивную дверь на засов.

Стоявший у стены аппаратный шкаф с тройным контуром охлаждения надрывно ревел: криогенные насосы захлебывались, пытаясь сбить бешеную температуру в стойках. В запертом помещении отчетливо пахло озоном и раскаленной платой. Марк бросился к терминалу высокого уровня допуска, с размаху ударив пальцами по механической клавиатуре. Обходя один за другим уровни защиты, вводя экстренные инженерные мастер-ключи, он пробивался к первичному распределённому реестру, минуя слепые гражданские шлюзы.

То, что появилось на тройном экране монитора, заставило кровь в его жилах мгновенно превратиться в лед.

Это был не обрыв кабеля, не отказавшие спутники и не банальный сбой связи. По прямому, защищенному военным шифрованием каналу, в обход всех ступеней безопасности и алгоритмов квантовой коррекции, шел безжалостный, молчаливый процесс. Неизвестный алгоритм, обладавший колоссальной, чужеродной вычислительной мощностью, методично и последовательно перезаписывал блоки данных.

Процессоры серверов зашли в экстазе перегрузки, индикаторы на стойках замигали сумасшедшим багровым светом, а аварийные вентиляторы взвыли на предельных оборотах, выбрасывая в комнату волну горячего воздуха.

Марк судорожно попытался перехватить инициативу, вбивая команду экстренного отсечения шлюза:

SHUTDOWN_PORT --FORCE --IMMEDIATE

Экран ответил сухой системной строкой: *Отказ в доступе. Приоритет сессии перехвачен корневым протоколом.*

На его глазах миллиарды строк информации обращались в ничто. Имена владельцев, уникальные идентификаторы счетов, многолетние истории транзакций и, самое главное, суммарные балансы государств, корпораций и обычных людей стирались с пугающей, хирургической точностью. Записи не просто блокировались или уходили в оффлайн — они поочередно, блок за блоком, обращались в абсолютный математический ноль.

— Нет... нет, стойте! — Марк судорожно дернул кабель аварийного питания, пытаясь обесточить стойку физически, но было уже поздно.

Последняя строка главного глобального регистра погасла, сменившись безжизненной точкой.

— Господи... — выдохнул Марк в пустую, раскаленную комнату, чувствуя, как его охватывает липкий, парализующий ужас. Пальцы на клавиатуре замерли.

— Они не чинят систему. Данные стираются... Безвозвратно.

Воздух в кабинете казался тяжелым и сухим. Это был не технический сбой. Это была идеальная, спланированная и абсолютно беспощадная ликвидация всей существующей финансовой и социальной реальности планеты, исполненная по тем самым лекалам, о которых за годы до этого предупреждал Мурат Айбасов.

Вечер без света

К шести вечера сумерки опустились на Нью-Йорк, привезя с собой не привычный уют вечерних огней, а липкую, плотную тьму.

Марк вышел из здания лаборатории и замер на крыльце. Город умирал на глазах. Первыми отключились электронные системы оплаты: терминалы на кассах сетевых супермаркетов «Whole Foods» и «Trader Joe's» жадно мигнули красными точками и гасли один за другим. Вслед за ними закрылись массивные автоматические двери магазинов. Администрация, осознав, что не может провести ни одну транзакцию, спешно выставляла на улицу растерянных покупателей и опускала тяжелые металлические жалюзи.

Сайты коммерческих банков перестали отвечать окончательно. Мобильная связь, перегруженная миллионами панических звонков, рухнула в течение получаса.

Марк быстрым шагом направился в сторону своего дома. На улицах разворачивалась хаотичная драма. Возле крупного сетевого магазина на Бродвее толпа из двухсот человек пыталась выломать закрытые стеклянные двери.

— Нам нужна еда! Откройте! — кричал какой-то мужчина, вбивая мусорный бак в прочное бронированное стекло.

— У меня трое детей, у нас нет ни одного доллара наличными! Помогите! — рыдала женщина на противоположной стороне улицы, судорожно потрясая бесполезным, погасшим смартфоном.

Прохожие больше не смотрели друг другу в глаза. Кассовые терминалы превратились в черные куски пластмассы. Бумажных денег ни у кого не было — их вывели из обращения еще два года назад. Без цифрового подтверждения баланса человечество за один единственный вечер лишилось доступа к воде, еде, топливу и лекарствам.

Неоново-голубые рекламные щиты, обычно заливавшие Таймс-сквер ярким светом, задрожали, пошли серыми полосами и погасли. Манхэттен погрузился в безмолвную, угрожающую темноту, прорезаемую лишь редкими вспышками автомобильных фар и дальними звуками выбиваемых стекол.

Марк поднялся на четвертый этаж, когда Манхэттен окончательно поглотила глухая, зловещая тьма. В руке он сжимал тяжелый фонарь. Проходя мимо квартиры 42-Б, он невольно остановился. За дверью было тихо, но инженерный слух уловил едва заметный шорох.

Он постучал — три коротких, размеренных удара. Этот стук они придумали с Артуром еще в университете, когда вместе засиживались над первыми полупроводниковыми схемами. Артур... Его лучший друг, его «правое крыло» в лаборатории ИВМ, чье сердце внезапно остановилось прямо за рабочим терминалом шесть месяцев назад.

Дверь медленно приоткрылась, звякнув цепочкой. Из темноты на него смотрели испуганные, расширенные глаза Хелен. За её подол мертвой хваткой цеплялся семилетний Тоби, прижимая к себе потертого плюшевого медведя.

— Марк... — её голос сорвался на шепот.

— Сеть пропала. Телефон не ловит. Отопление отключается, батареи остывают. Что происходит?

Марк вошел в прихожую, мягко закрыв за собой тяжелую дверь, и посветил фонарем в пол, чтобы не слепить ребенка.

— Хелен, собери вещи, — тихо, но максимально спокойно произнес он, положив руки ей на плечи. Ее трясло от мелкой, лихорадочной дрожи.

— Только самое необходимое. Теплую одежду, документы, воду, если есть. Цифровой реестр уничтожен. Город закроют в течение суток.

— Куда мы пойдем? У меня никого нет, Марк... Артур... если бы Артур был жив... — Хелен закрыла лицо руками, и из-под ее пальцев беззвучно покатались слезы.

Марк аккуратно присел перед Тоби, поправил воротник его куртки и посмотрел Хелен прямо в глаза. В этот момент он вспомнил клятву, которую дал самому себе на похоронах друга: «Я позабочусь о них, брат. Чего бы мне это ни стоило».

— Артура нет, Хелен. Но есть я, — твердо сказал Марк.

— И пока я дышу, с вами ничего не случится. Собирайся. Мы уходим вместе.

Первая волна паники накрыла мегаполис.

Глава 3

[Локация: Нью-Йорк. Время: Дни со второго по пятый, после Коллапса]

День второй: Паника у касс

Второй день после Коллапса начался с шума автомобильных сирен на промерзших улицах Манхэттена. Бортовые компьютеры заброшенных электрокаров заблокировали колеса и двери, превратившись в мертвые стальные гробы посреди перекрестков. Их батареи умирали на ледяном ветру, выплескивая в морозный воздух последние агонизирующие вспышки аварийных огней.

Марк вышел на улицу, вжав голову в воротник. Воздух обжигал легкие колючим морозом. У входа в продуктовый гипермаркет с шести утра клубилась серая толпа. Люди кутались в пледы, переступали с ноги на ногу и с тоской вглядывались в запертые стеклянные двери.

У паркета стоял управляющий с мегафоном. Его лицо за ночь осунулось, под глазами залегли тени:

— Внимание! Электронные шлюзы мертвы! Приложение Федеральной Резервной Системы не отвечает! Магазин принимает только физическую наличность старого образца или прямой товарный обмен!

Толпа взревела. Мужчина в дорогом пальто пробился вперед:

— Какая наличность?! Вы же сами два года назад заставили нас сдать все бумажки под угрозой тюрьмы! Где мы их возьмем?!

— Это ваши проблемы! — сорвался на визг управляющий, отступая за спины охраны с помповыми ружьями.

— Поставщики не везут сюда ни крошки без предоплаты. Мы не благотворительный фонд!

Несколько человек, сохранивших зачатки, проталкивались к столу на крыльце, сжимая в синих пальцах купюры. Но цены на буханку черствого хлеба взлетели в сотни раз.

Хелен стояла чуть в стороне, прижимая к груди озябшего Тоби. Ее пальцы дрожали так сильно, что она едва удерживала старую золотую цепочку, ту последнюю ценность, которую надеялась выменять у кассира за пачку детского питания. Кассир даже не взглянул на золото, отмахнувшись от нее.

Натуральный обмен

К третьему дню привычный мегаполис окончательно скатился в законы первобытной прерии. У дверей аптек, пекарен и заброшенных складов разворачивались настоящие локальные войны.

У центрального аптечного пункта на 8-й авеню толпа вынесла прочные витринные стекла не с помощью тяжелых инструментов, а просто задавив преграду собственными телами, когда фармацевт через щель в ставнях отказался отдавать остатки инсулина и антибиотиков за бесполезные бумажки. Люди сцеплялись мертвой хваткой за каждую пачку бинтов, раздирая упаковки окровавленными руками.

Марк наблюдал за этой вакханалией из полумрака своей кухни. В горле стоял комок тошноты. Валютные биржи, сложные графики котировок, многозначные цифры на мониторах — всё это испарилось, растворилось в небытие за какие-то семьдесят два часа.

Единственной реальной властью на Земле теперь обладали триста граммов соленой тушенки, канистра бензина или бутылка чистой воды. Человечество, со всеми его вековыми институтами и моралью, оказалось тончайшей пленкой льда поверх глубокой и темной воды голода. Стоило системе «нолей и единиц» обнулиться, как эта пленка треснула, обнажив звериный оскал борьбы за чистое биологическое выживание.

Молчание Белого Дома

На пятый день тишина стала осязаемой, почти физически давящей на барабанные перепонки.

Марк сидел за кухонным столом при свечах, механически вращая ручку настройки старого батарейного радиоприемника. Динамик издавал лишь монотонный, убаюкивающий треск статики. Никаких экстренных новостей. Никаких утренних сводок министерств. Ни единого голоса из Вашингтона.

Высшие должностные лица, правительственные чиновники и руководство Федеральной резервной системы растворились в пространстве первыми, загодя укрывшись в глубоких бункерах. Интернет-магистраль, лишённые синхронизации и питания, погасли окончательно, оставив экраны гаджетов слепыми зеркалами. Сотовая связь рассыпалась на изолированные островки: шкала сигнала то судорожно взлетала на одно деление, то проваливалась в мертвую зону «Нет сети».

Миллионы людей на планете оказались отрезаны друг от друга абсолютным информационным вакуумом. Помощи ждать было неоткуда. Исчезли не просто деньги — исчезла сама идея коллективной безопасности. Каждая квартира, каждый подъезд, каждый забаррикадированный дом теперь превратились в крошечный одинокий плот, балансирующий над бездной наступающего хаоса.

Изоляция дома

Вечером пятого дня на лестничной клетке третьего этажа установилась тишина, прорываемая лишь частым, тревожным шагом соседей. Понимание того, что помощи извне не будет, накрыло жильцов окончательно.

Марк вышел в коридор и постучал в двери ближайших квартир. Через десять минут в небольшом вестибюле первого этажа собралось около двадцати человек — практически все, кто оставался в блоке. Люди стояли в полутьме, освещаемой лишь тусклым пламенем одиночной свечи и несколькими карманными фонариками. В их глазах читались растерянность, страх и растущее недоверие друг к другу.

— Официальные службы молчат, связи нет, — начал Марк, глядя прямо в глаза соседям. Его спокойный, уверенный голос инженера действовал на собравшихся отрезвляюще. — На улицах начинается хаос. Если мы не организуемся прямо сейчас, наш дом станет легкой добычей для мародеров.

— Что ты предлагаешь, Марк? — спросил Фрэнк, пожилой мужчина со второго этажа. — У нас нет оружия, нет связей.

— У нас есть дисциплина и ресурсы, — ответил Марк. — Первое: запереть массивные внешние двери и забаррикадировать запасные выходы. Второе: организовать круглосуточное дежурство у входной группы посменно — по два человека. Третье: провести учет всех запасов воды и долгохранящихся продуктов в каждой квартире. Воду из центрального водопровода скоро отключат, когда встанут насосы. Мы должны сливать воду из труб и водонагревателей в общие емкости и распределять ее строго по нормам.

Хелен, стоявшая рядом с сыном Тоби, первой подняла руку:

— Я помогу с учетом воды и медикаментов.

— Я встану на первое дежурство у дверей, — добавил Фрэнк.

За считанные минуты хаотичная группа напуганных обывателей превратилась в маленькую, сплоченную общину. В мире, где рухнули государство и финансовая система, их дом стал первой и единственной защитной крепостью.

Глава 4

[Локация: Нью-Йорк. Время: День 12 после Коллапса]

Крепость из стекла и бетона

К двенадцатому дню после обнуления реестров привычный городской ландшафт окончательно переродился. Понятие законности растворилось вместе с выключенными светофорами и замолчавшими рациями полицейских патрулей.

Огромный сетевой супермаркет «OmniMarket» на пересечении бульвара и 14-й улицы — раньше светлый, залитый неоном центр потребления — превратился в неприступную цитадель. Местная организованная группировка, под руководством бывшего инкассатора по кличке «Бритва», быстро оценила изменившиеся правила игры.

Панорамные стеклянные витражи фасада были наглухо заколоты массивными деревянными поддонами, листовой оцинковкой и укреплены мешками с сухим цементом. Входные кассовые зоны, где раньше покупатели сканировали смартфоны, бандиты переоборудовали в настоящий укрепленный блокпост. Кассовые транспортеры стали баррикадами, а за стойками информации теперь дежурили вооруженные люди в охотничьих куртках с дробовиками и нарезными карабинами.

Здание, где хранились тонны консервов, круп, сухих пайков и тысячи литров бутилированной воды, стало главной силовой точкой всего района. Тот, кто контролировал этот массивный параллелепипед из стекла и бетона, теперь определял, кто в округе будет жить, а кто умрет от голода.

Марк, наблюдая за блокпостом из укрытия на противоположной стороне улицы, понял главную истину нового мира: централизованная власть не просто исчезла — ее место моментально заняли те, у кого в руках оказалось оружие и контроль над едой.

Новая иерархия

Система ценностей претерпела мгновенную и беспощадную трансформацию. Банда, забаррикадовавшаяся в «OmniMarket», создала собственную жесткую структуру управления и новую «валюту».

Прежние атрибуты успеха и богатства — дорогие часы, золотые украшения, брендовая одежда или неработающие банковские карты с шестизначными балансами — больше не имели абсолютно никакой силы. На блокпосту, у бывших касс был вывешен самодельный плакат, выведенный черной краской на куске картона:

ПРИЕМ: ОРУЖИЕ, ПАТРОНЫ, ТОПЛИВО, МЕДИКАМЕНТЫ.

КУРС: 1 ЛИТР БЕНЗИНА = 1 БАНКА ТУШЕНКИ.

Люди из окрестных домов выстаивались в унижительную очередь вдоль заколоченных окон. Марк видел, как бывший вице-президент инвестиционного фонда пытался выменять свои швейцарские часы из белого золота за пять литров питьевой воды. Боевик на блокпосту со смехом оттолкнул его прикладом карабина, отдавая приоритет человеку, принесшему канистру с дизельным топливом для генератора.

Новая иерархия строилась на сухом, утилитарном расчете. Банда «Бритвы» превратила еду и воду в инструмент тотального контроля. Тот, кто обладал реальным физическим ресурсом, стал новым законодателем и правителем улиц, а вчерашняя элита мегаполиса оказалась на самом дне этой пищевой цепи.

Первое столкновение

Отчаяние среди жителей окрестных домов достигло предела на двенадцатый день. Городские водонапорные башни опустели, в кранах давно свистел лишь сухой воздух, а домашние запасы круп и остатки детских сухих смесей у большинства семей подходили к концу.

Инициативная группа из пятнадцати человек — жильцы нескольких соседних таунхаусов во главе с отцом двоих детей, бывшим военным механиком Питером, — решилась на отчаянный шаг. Питер все еще хранил надежду на здравый смысл: в его глазах теплилась привычка мирного времени, вера в то, что с людьми всегда можно договориться по закону. Они собрали всё ценное, что осталось: остатки домашнего инструмента, работающий бензиновый генератор и медные трубы, надеясь выменять их на детское питание и воду. Марк пошел вместе с ними в качестве молчаливого наблюдателя, чувствуя сдавленным горлом, что эта «сделка» обречена.

Когда группа приблизилась к обледеневшей погрузочной рампе супермаркета, тяжелые металлические ворота со скрипом приоткрылись, и оттуда вышли трое боевиков «Бритвы».

От них разило дешевым табаком, потом и застарелым страхом. На их лицах застыла звериная настороженность людей, которые уже разучились верить кому бы то ни было.

Разговор не задался с первых секунд.

— Нам нужны детские смеси и чистая вода для малышей! — громко крикнул Питер, делая шаг вперед и демонстративно поднимая пустые ладони. На его щеках дергался нервный мускул, а голос чуть срывался на испуганный визг.

— У нас есть отличный бензиновый генератор! Мы готовы честно договариваться!

— Назад, мертвецы! — гаркнул старший из боевиков, с перекошенным от злобы лицом резко вгоняя патрон в патронник помпового дробовика. Металлический лязг затвора прозвучал как приговор.

— Рампа закрыта! Проваливайте к главным кассам в общую очередь!

— На кассах очередь на трое суток, а дети умирают от обезвоживания! — отчаянно крикнул Питер. Забыв о всякой осторожности, движимый отцовским ужасом, он подался вперед еще на два шага, приподнимая канистру с бензином.

— Посмотрите на нас! Мы же соседи!

Бандит даже не моргнул. Для него этот человек с канистрой был не отцом двоих детей, а лишь потенциальной угрозой захвата их пищевого склада.

Грохот выстрела разорвал мертвую тишину переулка, ударив по ушам и сдирая эхо с обшарпанных кирпичных стен.

Питер охнул, выронил канистру. Бензин булькнул в лужу, смешиваясь с грязью, и тяжело осел прямо на мокрый бетон рампы. Его пальцы еще судорожно скребли холодный асфальт, а в глазах застыло детское, непонимающее удивление: *как же так, за что?..*

Вторичный, оглушительный залп из карабина прошел воздух над головами остальных жильцов, осыпая их градом свинцовой крошки.

В рядах мирных людей мгновенно вспыхнул первобытный, животный ужас. Женщины закрыли лица руками, кто-то всхлипнул в полный голос. В этот дождливый день в их душах что-то оборвалось навсегда: иллюзия того, что прежний мир вернется, рассыпалась в прах от одного выстрела.

— Назад! Все назад, бегом! — заорал Марк, рывком сбивая с ног оцепеневшего молодого парня и втягивая его за массивный бетонный мусорный контейнер.

Пули с визгом выбивали серую пыль из кирпичной кладки над их головами. Вытащить Питера под шквальным огнем было уже невозможно! Он неподвижно лежал на рампе, а под его грудью расплзалась широкая, темная лужа крови, быстро замерзающая на ледяном ветру.

Оставшиеся в живых жильцы, охваченные слепой паникой и слезами бессилия, бросив свои принесенные пожитки, беспорядочно и дико отступали по извилистому переулку.

Это была первая насильственная смерть в их непосредственном кругу. Первое кровное столкновение, безжалостно обнажившее суровую истину нового времени: старый мир с его гуманизмом, договорами и верой в человечность окончательно мертв, а любая попытка призыва к совести в мире голода и оружия стоит человеческой жизни.

Сжатие мира

Смерть Питера подвела под прежними иллюзиями окончательную черту.

Огромный, кипящий энергией Нью-Йорк, с его миллионами жителей, неоновыми небоскребами, театрами Бродвея и бесконечным потоком финансовой информации, сжался для Марка до крошечного, враждебного пространства в три городских квартала.

Все, что лежало за пределами этого радиуса, превратилось в неизведанную, опасную территорию, контролируемую вооруженными бандами, голодными стаями бродячих собак и отчаявшимися одиночками.

Новая карта жизни Марка Картера теперь состояла всего из трех ключевых точек:

Жилой дом — укрепленный бункер, где жильцы посменно дежурили у забаррикадированных дверей, берегли каждую каплю воды и ухаживали за испуганными детьми.

Полу разграбленная аптека на углу — место, куда Марк совершал редкие и предельно рискованные вылазки в надежде найти хоть какие-то антисептики и перевязочные материалы.

Старый колодец в парковой зоне — единственный источник чистой грунтовой воды, куда раз в двое суток под прикрытием ночи и самодельного оружия отправлялась группа вылазки.

Марк сидел на подоконнике своей квартиры, всматриваясь в темные, мертвые силуэты соседних домов. Без электричества, без связи, без транспорта и денег миллионный мегаполис стремительно деградировал до уровня средневековых изолированных анклавов. Человеческий мир сжался до границ прямой видимости из окна, а главным смыслом существования стало одно единственное слово — выжить.